

Эрнст Бергман – это не только один из самых ярких представителей немецкой хирургии XIX столетия. Он, бесспорно, входит и в плеяду величайших мастеров хирургического искусства всех времен. Масштабное клиническое мышление, широчайшая научная эрудиция, склонность ко всему новому и прогрессивному в науке, умение избегать рутин, шаблонов и доктринерства в сочетании с виртуозной техникой оперирования возвели Э.Бергмана на пьедестал великого хирурга XIX столетия – эпохи немецкой хирургии в мировой истории медицины. Для своих современников Эрнст Бергман стал, прежде всего, ярким символом и живым воплощением величия духа.

Врачом он стал случайно

Он родился 16 декабря 1836 г. в Риге в семье лютеранского пастора. Начальное образование Эрнст получил в Руене (Лифляндия) у своего отца, а затем посещал частную гимназию в Бирнену, по окончании которой в 1854 г. поступил на медицинский факультет Дерптского университета.

Врачом молодой Бергман стал по чистой случайности. Он имел намерение поступать на филологический факультет, но, как известно, в 1849 г. в России были введены ограничения количества студентов на всех факультетах университета, кроме медицинского. Это обстоятельство и послужило мотивом того, что Эрнст Бергман подал документы на медицинский факультет.

Уже на ранних этапах обучения врачебной профессии Бергман достиг неоспоримого превосходства над своими сокурсниками и в овладении хирургическим мастерством в будущем непрестанно покорял вершину за вершиной на протяжении всей своей столь замечательной во многих отношениях карьеры.

В 1866 г. Э.Бергман принимал участие в войне между Пруссией и Австрией в составе прусской армии, работая ассистентом профессора Вагнера в Богемии.

В 1870 г. Бергман отправился в Амстердам для занятий в лаборатории Кюне, но тут грянула Франко-прусская война, отчего молодой ученый вынужден прервать свои академические занятия и отправиться в действующую армию. На этот раз он работал в военно-полевых лазаретах Мангейма, Карлсруэ, Бельфора и Парижа. Участие во франко-прусской военной кампании для Бергмана оказалось знаменательным прежде всего тем, что здесь у него установились дружеские отношения с двумя другими выдающимися хирургами – Т.Бильротом и Р.Фолькманом, а также состоялось знакомство с Теодором Кохером, которое переросло затем в долгое прочное сотрудничество.

Новый военный конфликт, на этот раз между Россией и Турцией, заставляет Бергмана отправиться в русскую действующую армию в качестве хирурга-консультанта. В Дунайской армии он находился с апреля по декабрь 1877 г., участвовал в переправе через Дунай, битвах под Плевной, при Горном Дубняке и Телише. В этой войне Бергман при содействии сестер милосердия Воздвиженской общины стал проводить антисептический способ лечения ран непосредственно на поле боя. Тогда же состоялась его встреча с Н.И.Пироговым, во время которой Бергман имел возможность продемонстрировать знаменитому русскому хирургу 18 своих больных, раны у которых благополучно зажили под антисептической повязкой.

На исходе 70-х годов Эрнст Бергман претендовал на одну из главных хирургических кафедр России, а именно – кафедру в Военно-медицинской академии в С.-Петербурге, но по ряду причин, о которых будет сказано ниже, не прошел на эту должность. Для феноменально талантливого Бергмана это, казалось бы, очевидная неудача. Однако в итоге стало счастливой вехой в его

научной карьере. Случай, не столь уж редкий в истории науки.

Очень скоро после этого неприятного эпизода Бергман получил приглашение занять кафедру хирургии в Вюрцбургском университете. В начале 1878 г. он покидает Дерпт и поселяется в Вюрцбурге. Пребывание Бергмана в Вюрцбурге было кратким, но, как и повсюду, ярким.

Переломная эпоха в хирургии

...Когда в возрасте 72 лет всемирно знаменитый патриарх хирургии Бернгард фон Лангенбек (1810-1887) вынужден был сложить с себя нелегкие обязанности клинициста и покинуть кафедру хи-

татора» стал проводить в своей клинике антисептический метод Листера. Гениальная интуиция ученого и практика подсказывала ему, что наука, изучающая хирургические инфекции, на верном пути, хотя окончательная цель еще и не достигнута.

Громоздкая, неуклюжая антисептика в том виде, в каком ее предложил Листер, вызывала откровенное неприятие у многих видных хирургов. В их числе поначалу были и Пирогов, и Бильрот, и многие другие.

Результат всех листеровских новшеств в то время был еще весьма сомнителен. Не было достоверной статистики, подвергнутой вдумчивому объективному анализу,

нельзя не указать и на такой, также засвидетельствованный современниками факт: осуществляя громадную работу, Эрнст Бергман для каждого, обращавшегося к нему, «имел время и выслушивал пациента любезно и терпеливо». Бесспорно, это та черта натуры, которая делает Бергману великую честь, как врачу.

Следует отметить, что с открытием наркоза и созданием метода асептики-антисептики хирургия впервые обрела подлинно научную базу именно в руках немецких авторов. Теперь больные стали поправляться после произведенных операций не в силу счастливого стечения обстоятельств, а выздоровление становилось закономер-

забудем, что наша немецкая хирургия построена на фундаменте, заложенном великими хирургами Французской академии и что она базируется на анатомических работах русского Николая Пирогова и на антисептическом способе англичанина Джозефа Листера».

Бергман приехал из Берлина в Россию и на 100-летний юбилей Военно-медицинской академии, выступал на торжествах в С.-Петербурге с приветственной речью на русском языке. В 1891 г. во время голода в России Бергман собрал в Германии значительную денежную сумму и направил ее голодающим Поволжья.

На хирургическом конгрессе 1896 г., проходившем в Берлине,

Имена и судьбы

«Оставайтесь людьми!»

Печально, но хирург-виртуоз Эрнст Бергман погиб от нераспознанной хирургической болезни

рургии Берлинского университета, то медицинская коллегия университета, перебрав ряд кандидатур, в конце концов признала Эрнста Бергмана наиболее достойным. В 1882 г. он занял главную хирургическую кафедру Германии. И там, в Берлине, Бергман смог в полной мере реализовать свой огромный научный талант. Оперативное мастерство Бергмана становится в еще большей степени совершенным. Его техника сделалась еще изящнее и эффективнее, еще ярче развилось его разностороннее дарование врача-клинициста.

Уже при Бернгарде Лангенбеке хирургическая клиника Берлинского университета сделалась местом настоящего алуомничества для хирургов всех стран. Эрнст Бергман приумножил славные традиции знаменитого лечебного учреждения. Работы по хирургии головного мозга и военно-полевой хирургии занимают одно из самых видных мест в обширном научном наследии Бергмана. В то время его исследования в области церебральной хирургии открывали собой новую страницу во всей нейрохирургии.

В полный голос в научном мире заговорили о нем после того, как в 1867 г. Эрнст Бергман, 30-летний доцент хирургической клиники Дерптского университета, а впоследствии крупнейший мировой хирург, опубликовал в «Военно-медицинском журнале» (СПб.) статью «Военно-хирургические афоризмы». В ней освещались наиболее актуальные вопросы военного времени: сортировка раненых, применение глухой гипсовой повязки, палаточные госпитали, медицинская помощь, оказываемая женским населением. Статья Бергмана, по существу, подвела итоги достижениям военно-полевой хирургии доантисептического периода и потому представляет большой познавательный интерес.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что начало врачебной и научной деятельности Э.Бергмана пришлось на переломную эпоху в хирургии. Несмотря на повсеместное засилье лженаучных теорий о «самозарождении заразных начал», брезжила заря антисептики. Уже высказал во всеулышание свои революционные догадки Игнац Филипп Земмельвейс, и неустанно, дни и ночи трудился в своих лабораториях знаменитые микробиологи Роберт Кох и Луи Пастер.

А это означало, что дни доантисептической хирургии, впивавшей столько черных страниц в историю мировой медицины, уже были сочтены.

Одним из первых в Европе Эрнст Бергман «с непреклонностью дик-

во многих лечебных учреждениях антисептические меры осуществлялись лишь декларативно, на словах, а на деле всё лечение проводилось прежними методами. Получаемые отрицательные результаты и осложнения, порой весьма тяжелые, вызванные применением карболовой кислоты, очень подрывали авторитет антисептического метода.

Нужно было обладать воистину апостольской несокрушимой верой в правоту нового учения, чтобы под градом насмешек, а порою и откровенных оскорблений, несмотря на потоки лжи и прочего рода грязи, выливавшиеся со страниц прессы, неизбежно отстаивать принципы метода во благо человечества.

На долю Эрнста Бергмана выпала честь своими исследованиями подвести итог радикальным новациям в деле эффективной борьбы с хирургической инфекцией. И этим итогом стало появление асептического способа оперирования. До гениальности простой в своей основе, для лечебной практики он имел едва ли не большее значение, чем весь хирургический опыт, накопленный прежними веками. Новый метод позволил Бергману уже в самые первые годы его применения добиться ошеломляющих результатов. Бергман и ожидал от асептики коренного улучшения в лечебном процессе, но действительность превзошла даже и эти большие ожидания.

Образец твердости духа

Работая в столице, имея столь впечатляющие успехи в хирургической практике, обладая огромным обаянием своей колоритной натуры, Бергман был прост в общении, но «простою великого человека». Это была простота без простоватости.

ним итогом глубоко продуманного и строго научно обоснованного подхода к методам хирургического лечения.

Бергман был овеян славой. Его значимый вклад в развитие мировой хирургической науки был по достоинству оценен уже при жизни ученого. Хирургическую технику Бергмана один из его коллег-современников определил как «изысканно точную», отмечая при этом то, как быстро, эффективно и с каким ледяным спокойствием Бергман останавливал «жуткие» по силе кровотечения, возникавшие порою во время операции; другой указывал, что «талант Эрнста Бергмана невозможно переоценить».

Бергман прославился не только как высочайший профессионал, но и стал для всего медицинского мира образцом несгибаемой стойкости, твердости духа и убеждений, гражданского мужества и нравственной силы. Ежедневник «Врач» представил всю эту историю в завуалированном виде: «Проф. Bergmann <...> получил и принял приглашение занять кафедру проф. Langenbeck'a в Берлине.

Итак, самая видная кафедра в Германии занята бывшим русским врачом, который одно время охотно соглашался перейти в Медико-хирургическую академию, если бы ему предварительно в течение года позволили – в качестве консультанта какого-либо военного госпиталя – напечататься в русском языке (проф. Бергман владеет русским языком недурно, но по свойственной ему добросовестности он хотел овладеть им вполне). Дело не устроилось. Выиграли ли от этого наши русские интересы, пусть судят читатели!»

При всем при этом Бергман неизменно сохранял глубокие симпатии ко всему русскому. А русские врачи, приезжавшие в Берлин, считали приятным долгом представиться профессору и неизменно встречали радушный прием.

После того, как Э.Бергман был избран почетным членом Русского хирургического общества Н.И.Пирогова в С.-Петербурге, он прислал теплое благодарственное письмо, написанное по-русски, в котором были такие строки: «Николая Ивановича Пирогова я считаю за одного из величайших хирургов нашего столетия и таковым я всегда его представляю своим слушателям. Это более чем кого-либо заслуга Пирогова, что современная хирургия зиждется на изучении анатомии. Вот почему я счастлив считаться членом Общества, носящего имя Пирогова».

Ему же, Э.Бергману принадлежат следующие слова: «Мы никогда не

Эрнст Бергман обратился к своим коллегам с глубоко прочувствованным пламенным призывом. Слово в ответ на слова знаменитого немецкого философа-идеалиста Артура Шопенгауэра, который отчаянно восклицал, что «в мире на один дюйм человеколюбия приходится десять саженой эгоизма», Э.Бергман призвал: «Оставайтесь людьми!»

К несчастью, здоровье Э.Бергмана к тому времени, когда он перешагнул 70-летний рубеж, стремительно таяло день ото дня. В 1905 г. случился первый приступ толстокишечной непроходимости, однако окончившийся благополучно. Приступ повторился в 1907 г. на курорте в Висбадене, куда Бергман приехал на отдых. Туда же прибыл и ближайший ученик Бергмана Шлянге из Ганновера, который под кокаиновой анестезией наложил Бергману правостороннюю толстокишечную фистулу, которая, однако, облегчения больному не принесла. На следующий день противоестественный задний проход был наложен на левой стороне толстой кишки, и тоже без результата. 25 марта 1907 г. Эрнст Бергман скончался.

Согласно завещанию покойного, было произведено вскрытие. Распространенное мнение о том, будто бы профессор Бергман страдал раком, оказалось ошибочным. На аутопсии не обнаружилось злокачественного процесса, а была лишь выявлена рубцовая стриктура толстой кишки, очевидно, явившаяся следствием перенесенной Бергманом дизентерии в период Русско-турецкой войны.

Печально признавать, но вышло так, что по злой иронии случая знаменитый хирург погиб от нераспознанной хирургической же болезни. Грустно тем более, что, по сообщениям печати тех лет, своевременно предпринятая в подобном случае операция давала все основания ожидать благоприятного исхода.

С уходом Эрнста Бергмана из жизни медицина потеряла бесконечно талантливого врача и хирурга-виртуоза, а мир – яркую личность, человека с крисовой и светлой душой, с большим открытым сердцем.

Однако еще долгое время он продолжал жить в памяти друзей, учеников и бесчисленных почитателей его врачебного таланта.

Игорь ТЕЛИЧКИН,
кандидат медицинских наук.

Великобритания.